

УДК 141.319.8:321.01

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.8

**ВЛАСТЬ И НАСЛАЖДЕНИЕ:
ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
РАКУРС**

**POWER AND PLEASURE:
PHILOSOPHICAL AND
ANTHROPOLOGICAL
PERSPECTIVE**

Черных Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук, доцент,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Sergey S. Chernykh

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Platov South-Russian State
Technical University (NPI),
Novocherkassk,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

В статье проведен анализ власти с опорой на наслаждение, которое в антропологической перспективе выступает в качестве результата воспитания человека и воздействия на него дисциплинарных практик, осуществляемых в условиях культурного опосредования и сублимации желаний. Демонстрируется, что в процессе действия власти наслаждение подвергается диверсификации, выступая, с одной стороны, как цель власти, желания большего могущества и удовольствия, а с другой – оно выступает актуальным стимулом подчинения. В заключение статьи делается вывод о том, что трансформация различных дискурсов власти, а также их легитимизация (делегитимизация) напрямую связаны с изменением самих форм и ценностей наслаждения.

The article analyzes power with reliance on pleasure, which in the anthropological perspective is considered as the result of human education and the disciplinary practices carried out in terms of cultural mediation and sublimation of desires. It is shown that in the process of power implementation the pleasure is diversified. It acts, on the one hand, as the goal of power, the desire for greater power and pleasure, and, on the other, as an actual stimulus to submission. The conclusion of the article is that the transformation of various discourses of power, as well as its legitimization (de-legitimization), directly relates to the change in the forms and values of pleasure.

Ключевые слова: антропология власти, власть и наслаждение, дисциплинарные практики власти, воспитание, наслаждение в структуре экзистенциального опыта власти.

Keywords: anthropology of power, power and pleasure, disciplinary practices of power, education, pleasure in the structure of the existential experience of power.

Введение

Приступая к исследованию экзистенциальной структуры власти, необходимо задаться довольно «простым» вопросом, а что же обладание властью (над природой, вещами, мыслями и чувствами, своим «я», телом и другими людьми) собственно даёт своему бенефициару, например, конкретному индивиду, включенному в разнообразные практики господства, контроля, управления и владения? Пожалуй, основным позитивным ответом на поставленный вопрос будет «наслаждение». Ведь люди стремятся к власти для того, чтобы в большей степени получать удовольствие от самой жизни. «Страстями, наиболее всего обуславливающими собой различия ума, – писал Т. Гоббс, – являются главным образом большие или меньшие желания власти, богатства, знания или почестей. Все эти страсти могут быть сведены к первой, то есть желанию власти, ибо богатство, знание и почести суть различные виды власти» [1, с. 125]. Из вышеприведенной цитаты ясно, что Т. Гоббс определенно задолго до Ф. Ницше [5] и М. Фуко [9–11] стал понимать стремление к знанию (посредством инструментального разума) и престижу (символическому влиянию) как волю и разновидность власти.

Очевидно, что рост собственного могущества, который при этом осознается индивидом, порождает в нём особое удовольствие (наслаждение). В данной связи неслучайно, что люди наслаждаются координированными способностями своего ума, голоса и рук: управлять окружающей действительностью, подчинять вещи целерациональной воле, господствовать над различными объектами посредством хитрости разума. Поэтому в качестве общей склонности всего человеческого вида, т. е. его сущностной (родовой) характеристики, британский философ справедливо выделял «вечное и беспристрастное желание всё большей и большей власти, желание, которое прекращается лишь со смертью» [1, с. 153], поскольку власть рассматривается как важнейший ресурс, обеспечивающий наслаждение, достигаемое в результате как использования подвластных объектов, так и осознания собственного могущества.

При этом наслаждение в антропологическом поле власти будет раздваиваться. С одной стороны, оно выступает целью властного

стремления (ведь субъект власти стремится к большему наслаждению), а с другой – оно (удовольствие) само является средством укрепления фактической власти, инструментом господства.

Наслаждение как цель власти

Итак, удовольствие, которое может быть рассмотрено в своей высшей форме как наслаждение, является целью действующей власти. Это значит, что удовольствие принимает характер особого наслаждения, когда в процессе деятельности удовлетворяется именно жажда, соответственно, чем больше жажда (например, в согласии с нашей темой – это власть), тем интенсивнее переживается данное наслаждение. В данной связи можно вполне согласиться с пониманием наслаждения Э. Левинаса, который отмечал: «Наслаждение состоит из воспоминания о жажде, оно – утоление жажды. Наслаждение – это акт, который помнит о своём “могуществе”» [3, с. 136]. Соответственно, власть необходимо присутствует в наслаждении, а ее отсутствие порождает ситуацию жажды, что свидетельствует о бессилии и неспособности удовлетворения насущных желаний. Другое дело, что в процессе реализации конкретной власти выигрывают в первую очередь обладающие ею индивиды, а сами подвластные могут, правда, страдать от деспотизма и несправедливости своих властителей. Вместе с тем основная цель любой власти – рост удовольствия, что, например, закреплено даже в христианской (антропологии) теологии, свободной от материализма грубой чувственности, где речь также идёт о бесконечном (вечном) наслаждении избранных праведников под властью всемогущего Бога.

В данной связи важно отметить, что каждый реальный политик из плоти и крови также обещает своим избирателям, что в случае его победы, т. е. прихода к власти, они в результате (правильного выбора) будут меньше страдать, а значит, получают и большее удовольствие. Очевидно, что ни один разумный политик не призывает голосовать ради увеличения страдания и боли, разве только если последние состояния не рассматриваются его сторонниками в качестве перверсивных (мазохистских) форм самого наслаждения. Поэтому в целом можно говорить о том, что наслаждение – цель любой власти, что, однако, не исключает дифференциацию самих удовольствий, а также высвечивает проблему их крайне неравномерного распределения, особенно в среде подвластных.

Собственно, удовольствие конкретного индивида, т. е. довольство собой, проистекает из его удовлетворенности своей волей, которая позволяет ему наиболее эффективно действовать в направлении выбранной цели. «Удовольствие, – как справедливо писал Б. Спиноза, –

есть переход человека от меньшего совершенства к большему» [7, с. 381]. Таким образом, наслаждение возрастает пропорционально способности индивида действовать в согласии с ростом его активности и могущества. Напротив, пассивные состояния (аффекты) приводят индивида к неудовольствию, они фрустрируют его, всячески подавляя его волю (способность к действию), а следовательно, являются переходом и к меньшему совершенству. Вместе с тем в философской системе Б. Спинозы отсутствует извращенная и вместе с тем деятельная воля, направленная на активное причинение страданий другим индивидам. Ведь чрезмерная концентрация власти в руках несправедливых личностей, которые, возможно, сами подверглись патологической фрустрации в прошлом, будет только способствовать развитию и укоренению в них садистических наклонностей, а значит, и переживанию извращенного удовольствия от использования и даже роста собственного могущества. Поэтому, например, в условиях патологического давления на индивида со стороны внешней (репрессивной) власти он сможет испытать большее удовольствие от самого факта сопротивления такому господству.

Однако на данную проблему (существование у властителя злой, извращенной воли) ещё раньше обращал внимание Платон в своём описании тиранической власти, которая, по его мнению, базируется на ложных удовольствиях. Последние же определены в большей степени близки к животным проявлениям и в меньшей степени связаны с деятельностью теоретического ума. Таким образом, Платон отмечал, что «всега дальше отстоят от разума любовные и тиранические вожделения» [6, с. 945], поскольку они превращают носителя подобной власти в раба собственных страстей, тем самым закрывая ему доступ к высшим (надо полагать, философским) наслаждениям. Это значит, что мудрость справедливого властителя (по Платону, это именно царь, а не тиран) необходимо должна содержать в себе целомудрие. Следовательно, тиран, согласно Платону, – это именно тот, кто «избегая закона и разума, перешёл в запредельную область ложных удовольствий» [6, с. 945]. Причём ложные удовольствия, вернее, их чрезмерность (и фиксация на них субъекта власти), носят в значительной степени либидозный характер, поэтому они, как правило, определяются чувственными вожделениями в ущерб наслаждениям интеллектуального свойства.

Пожалуй, власть упирается в этическую проблему рабства, когда речь заходит о процессе такого господства, в котором овеществлению подвергается сам человек. В подобной ситуации подвластный начина-

ет восприниматься не как лицо (личность), а как вещь, игрушка, т. е. только как инструмент удовлетворения желаний своего господина. Именно поэтому раб – это не только «говорящее орудие труда», но и орудие либидозного наслаждения в руках своего властителя. Очевидно, что вышеописанный пример делает прозрачным весь эротический подтекст тиранического типа власти. «Попытка владеть (“иметь”) человеческим бытием, – справедливо отмечал Э. Фромм, – неизбежно ведёт к развитию садизма, одной из самых уродливых и наиболее извращенных страстей» [8, с. 341]. Другое дело, что и сами подвластные зачастую обожествляют собственных тиранов и мучителей, а значит, демонстрируют перверсивное (мазохистское) удовольствие от репрессивной субординации и даже несправедливого подчинения.

Поэтому для того, чтобы преодолевать подобные перверсивные удовольствия от воздействия власти, необходимо (помимо исторического факта отмены реального рабства) практиковать этику персонализма, ориентирующую властителей и подвластных на взаимный диалог. Вместе с тем садистские тенденции могут быть закамуфлированы и обнаруживать себя в других типах власти, т. е. проявляться не только в случаях откровенной тирании, но и, например, в формах родительской (отеческой), педагогической и медицинской власти, осуществляющихся в целях воспитания подрастающего поколения и заботы о здоровье человека. Подобные дискурсы власти (родительская, педагогическая, медицинская), несомненно, находятся в определенном родстве, поскольку они исходят из того, что объект их подчинения в недостаточной степени обладает разумом по причине своей юности (и неопытности) или вследствие болезни (психическое расстройство, слабоумие). Но они также, особенно в случаях, когда их используют откровенные садисты, таят в себе реальную угрозу завуалированного (скрытого) насилия в отношении, например, даже собственного ребенка или пациента, не располагающих для сопротивления соответствующими знаниями и социальным статусом.

Наслаждение как инструмент власти

Помимо того, что наслаждение является постоянной целью действующей власти, оно также в определенных дозах выступает и средством её достижения, поддержания и дальнейшего усиления. Поэтому, с одной стороны, удовольствие – плата за послушание и соблюдение субординации, а с другой – итог воспитания индивида, осуществляемого путём воздействия дисциплинарных практик власти. Так, собственно, и страдания отдельного индивида должны быть компенсированы властью, которая всегда присутствует в процессе формирования

присущих ему габитусов, связанных с наслаждением. К тому же и сами запреты, согласно мысли М. Фуко, исходящие от власти, могут стимулировать удовольствие (особенно сексуальное), которое «разгорается оттого, что ему приходится ускользать от этой власти, от неё убегать, её обманывать или её маскировать» [9, с. 143–144]. Следовательно, власть выступает источником соблазна, пленяющего индивидов, который вместе с тем стимулирует и усиливает наслаждение.

Вполне очевидно, что власть заинтересована в том, чтобы привлечь индивида на свою сторону, а для этого необходимо в той или иной степени постоянно обеспечивать его удовольствиями, но при этом соблюдая меру, т. е., конечно же, избегая явного пресыщения. Ведь удовольствие будет переживаться с наибольшей силой только при условии утоления реально существующей жажды, при этом неважно физической или духовной. Напротив, в случае перенасыщения даже признанные всеми наслаждения, извлекаемые из некогда дефицитных благ, могут минимизироваться или попросту обесцениваться.

В данной связи власть, на что пристально обращал своё внимание М. Фуко, действует всегда не против желаний отдельных индивидов, а через них, превращая подвластных (контролируемых) в проводников (медиумов) собственных интересов. Так, на экзистенциальном (и одновременно микрополитическом) уровне, согласно французскому философу, можно обнаружить, что «для того, чтобы конституировать себя в качестве воздержанного и добродетельного субъекта действия в использовании своих удовольствий, человек должен установить с собой отношение типа “господство – послушание”» [10, с. 110]. Таким образом, осуществляется интериоризация ценностей власти, которые индивид начинает воспринимать как свои собственные. Следовательно, власть над собой позволяет ему развиваться и самосовершенствоваться с опорой на признанные культурные кодировки.

Поэтому для того, чтобы наслаждаться в антропологическом смысле, индивиду необходима культура с её ограничениями, запретами, табу и наставлениями. Ведь такие удовольствия, которые признаются «высшими» культурно одобряемыми (эстетическими, когнитивными, моральными) наслаждениями, как правило, носят сублимированный характер и достигаются в результате довольно длительного процесса власти – воспитания. «Запах и вкус, – как в данной связи отмечал Г. Маркузе, – доставляют несублимированное удовольствие *per se* (а также невытесненное отвращение). Они связывают (и разделяют) индивидов непосредственно, не прибегая к обобщенным и конвенционализированным формам сознания, морали и эстетического восприятия»

[4, с. 40]. Однако подобная непосредственность несовместима с требованиями власти и принципами развития всей цивилизации, а также и человека в качестве особого вида живых существ. Поэтому и такие «примитивные» удовольствия должны быть подвергнуты культуральному опосредованию при помощи соответствующих дисциплинарных практик.

Следовательно, такое «господство», организованное на основе подобного опосредования, требует как раз отвлечения (отстранения) от непосредственного («животного») удовлетворения желаний, которое связано с формированием в индивидуе чувства особой брезгливости. Только затем практики власти должны (в соответствии с определенным культурным кодом) приучить индивида наслаждаться продуктами сублимированного творчества, достигаемого в результате длительного воспитания вкуса и формирования соответствующих привычек. На этом первичном уровне можно проследить, как морально-этическое одобрение ориентируется на эстетическое восприятие, которое уже является результатом предшествующей воспитательной работы. Так, например, удовольствия копрофильного свойства отрицаются и подвергаются цензурированию одновременно в регистрах морали и эстетики. Поэтому и сама власть в этом моменте обнаруживает свою *сакральную* сущность, проявляющуюся в качестве способности властвующего сознания отделять священные вещи от профанных, предметы чистые от грязных, возвышенные чувства от низших и т.д.

Вместе с тем в современных гедонистическом и либеральном антропологических дискурсах эпохи позднего модерна мы имеем дело с «внутренней трансгрессией» субъектов, которые в своих действиях руководствуются программой власти, легитимизирующей наслаждения, традиционно относимые к категории довольно «низших», т. е. осуществляющей на практике (в терминологии Г. Маркузе) «репрессивную десублимацию». «И это парадоксальное перевертывание, – как справедливо отмечает С. Жижек, – и составляет предмет психоанализа: психоанализ имеет дело не с жестким авторитарным отцом, который запрещает вам наслаждаться, а с непристойным отцом, который приказывает вам наслаждаться и потому ещё скорее вызывает импотенцию и фригидность» [2, с. 460]. Следовательно, власть активно использует наслаждение как инструмент усиления господства, ориентированного на интенсификацию не только «возвышенных» стремлений (например, спасение души в религиозном дискурсе), но и потребностей грубой чувственности и телесности (дискурс власти «современного общества потребления»).

Заключение

Таким образом, в рамках предпринятого нами анализа делается вывод о том, что *власть* осуществляется в антропологической перспективе с опорой на различные виды удовольствий. При этом наслаждение является не только основной целью действия власти, бенефициарами которого выступают в первую очередь носители власти, но и орудием управления индивидами посредством стимулирования их желаний.

Для осуществления власти на практике всегда необходима утопия, экзистенциально связанная с нехваткой, а следовательно, и с жаждой, которую испытывает индивид. Поэтому *власть* берёт на себя функции удовлетворения духовных (эстетических, моральных) и биологических потребностей человека, выступая в роли необходимого медиума, осуществляющего обмен между подчинением собственным инстанциям и разнообразными благами. В процессе овладения могуществом индивид испытывает удовольствие, связанное с переживанием (часто, правда, иллюзорным) от расширения своих возможностей действовать (быть активным субъектом). Вместе с тем этическое извращение власти на экзистенциальном уровне происходит в момент садистического и в значительной степени либидозного удовлетворения, когда другой (зависимый) индивид в процессе властного воздействия подвергается полному или даже частичному овеществлению.

При этом наслаждение постоянно инструментализуется властью, превращаясь в систему реальных стимулов и микрополитических воздействий, которые определяют поведение индивида и степень его управляемости, исходя из признанных культурных кодов. По сути дела, изменение властного воздействия на индивида зависит от его способности к переживанию тех или иных сублимированных (или даже в определенных случаях десублимированных) удовольствий, которые формируются в результате воспитания и реализации соответствующих дисциплинарных практик.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан. М., 2016. 672 с.
2. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. 528 с.
3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб., 2000. 416 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеоло-

References

1. Gobbs T. Leviathan. M., 2016. 672 p.
2. Zhizhek S. Shchekotlivyy sub"ekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii. M., 2014. 528 p.
3. Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe. M.; SPb., 2000. 416 p.
4. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek: issledovanie ideologii

гии развитого индустриального общества. М., 2003. 526 с.

5. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. 352 с.

6. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. 1311 с.

7. Спиноза Б. Соч. : в 2 т. СПб., 2006. Т. 1. 489 с.

8. Фромм Э. Искусство быть. М., 2014. 348 с.

9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

10. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. М., 2004. Т. 2. 432 с.

11. Фуко М. Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб., 2011. 432 с.

razvitogo industrial'nogo obshchestva. M., 2003. 526 p.

5. Nitsche F. Volya k vlasti: opyt pereotsenki vseh tsennostey. M., 1994. 352 p.

6. Platon. Polnoe sobranie sochineniy v odnom tome. M., 2013. 1311 p.

7. Spinoza B. Soch. : v 2 t. SPb., 2006. T. 1. 489 p.

8. Fromm E. Iskusstvo byt'. M., 2014. 348 p.

9. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. M., 1996.

10. Fuko M. Ispol'zovanie udovol'stviy. Istoriya seksual'nosti. M., 2004. T. 2. 432 p.

11. Fuko M. Upravlenie soboy i drugimi : kurs lektsiy, pročitannykh Kollezh de Frans v 1982–1983 uchebnom godu. SPb., 2011. 432 p.

Поступила в редакцию

26 декабря 2017 г.